

КРЕСТЬЯНСКИЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ/СССР В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

(Макроанализ структуры миграционных потоков)

Первая четверть XX в. — один из самых динамичных периодов в истории страны. Пришедшая на него цепь острейших социально-политических потрясений (включая несколько войн и революций) привела в итоге к кардинальным для России последствиям. Динамизм эпохи выразился, в частности, в резко возросшей миграционной активности населения, примерно три четвертых численности которого в то время составляли крестьяне.

Истории крестьянских переселений посвящены сотни работ, тем не менее единой пространственной картины крестьянских миграций, протекавших на всей территории страны в конце XIX — первой четверти XX в., в литературе нет. Авторы предлагаемой читателю статьи на основе данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. — уникального по информационному потенциалу источника — пытаются с помощью компьютера решить эту масштабную задачу, что потребовало использования принципов системного подхода и разработки специальных методов пространственной типологии.

* * *

При всех метаморфозах, которые претерпело механическое движение сельского населения страны во времени, этот процесс обладал рядом важных закономерностей. Самая, пожалуй, важная из них состоит в том, что «бродячий инстинкт» — одна из черт, присущих, по мнению А. А. Кауфмана, характеру русского крестьянина, — во все времена проявлял себя преимущественно как центробежная сила: главные пути крестьянских миграций пролегли, в конечном счете, от центра державы к ее окраинам. В течение длительного периода крепок государственная сущность Российского государства обуславливала нелогичную, на первый взгляд (с точки зрения интересов государства, обладающего гигантским потенциалом неосвоенных территорий), политику пресечения центробежных устремлений крестьянского населения¹.

Перелом в истории миграционного движения в России наметился в связи с процессами, вызванными реформой 1861 г. Начиная с пореформенного времени волна крестьянских миграций в пределах страны неуклонно нарастает. Особый их всплеск, зафиксированный в 80—90-е гг. прошлого столетия, был связан с началом активной крестьянской колонизации ряда областей Сибири и Дальнего Востока. Другой еще более мощный импульс этим процессам придала в начале XX в. попытка проведения в стране столыпинской аграрной реформы. Очень наглядно это демонстрируют данные, приводимые Л. Ф. Складчиковым. Если за 20 лет (1885—1904 гг.) за пределы европейских губерний переселилось 1491, 5 тыс. крестьян, то в последующие 10 лет число таких переселенцев достигло 3139 тыс.²

В целом механическому движению населения России свойствен волнообразный характер. Причины его колебаний (это традиционная тема научных дискуссий) называются самые разные. Среди них — ввод в эксплуатацию

*Бородкин Леонид Иосифович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией исторической информатики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Максимов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук.

Транссибирской магистрали, цикличность экономического развития при капитализме, всплески обострения классовой борьбы, региональные особенности аграрных отношений, слухи, недороды, войны и т. д. Не последнее место в этом перечне отводится позиции государства в «переселенческом вопросе». В самом общем виде схема ее эволюции выглядит так. Практику административного пресечения самовольного ухода крестьян на «вольные окраины» сменила в пореформенное время политика усиленного сдерживания указанного процесса, что, впрочем, не исключало старых «испытанных» способов решения вопроса: и в этот период использование полиции и даже войск было обычным делом в подавлении переселенческого движения³. Переход от политики сдерживания к политике стимулирования механического движения широких слоев населения на окраины датируется 6 июня 1904 г., когда на уровне декларации был оформлен новый курс переселенческой политики, значительно расширивший возможности уже, по сути, любого желающего принять участие в поощряемом правительством миграционном процессе. Примерно к этому времени относится создание специального департамента при Министерстве земледелия — «Переселенческого управления», ведавшего делами переселений. (Это учреждение было сохранено и в советское время, выступив теперь под названием одного из отделов Наркомзема⁴.)

Беспрецедентный доселе размах переселенческой кампании породил новые проблемы, например, поток «обратной миграции», включивший переселенцев-успешников, не сумевших обустроиться на новом месте и вынужденных вследствие этого разоренными возвращаться обратно. По данным Л. Ф. Складорова, из трех с небольшим миллионов переселенцев, принявших участие в миграционных процессах 1905—1914 гг., более 754 тыс. возвратилось в прежние места жительства⁵. Существовали, наконец, и изначально противоположно направленные миграционные потоки, возникавшие в результате обмена мигрантами между различными, чаще сопредельными регионами. В чем-то сохранив преемственность, а в чем-то обретя новые черты, процессы механического движения сельского населения продолжились и в советское время.

Активное историографическое освоение темы крестьянских миграций в России началось еще в середине XIX в. Первые серьезные работы связаны с именами таких ученых, как Ю. Э. Янсон, Д. И. Пихто, А. Ф. Риттих, Ф. Ф. Буссе, А. А. Кауфман и др.⁶ На сегодняшний день историческая литература по проблеме миграций сельскохозяйственного населения в географических пределах СССР объединяет весьма значительный по объему и многообразный по содержанию, подходам, кругу источников и, наконец, по научной значимости предлагаемых выводов комплекс исследований⁷. Существенное место в этом комплексе принадлежит работам, содержащим анализ направлений, а также характеристику емкости крестьянских переселенческих потоков дореволюционного времени.

Миграционные процессы, протекавшие в советское время, особенно в довоенный период, освещены в ряде работ отечественной историографии⁸. Среди них выделяется монография Н. И. Платунова, в которой весьма детально и обстоятельно раскрыто содержание переселенческой политики до начала Великой Отечественной войны⁹. Что касается анализа статистических данных о миграционных потоках этого времени, то и на сегодняшний день они остаются малоисследованными. Видимо, здесь сказались узость сохранившейся источниковой базы, объясняемая трудностями в организации и налаживании работы статистико-демографических органов. На это, в частности, указывает И. Н. Киселев. В статье, посвященной анализу статистических источников по движению населения в СССР в 1920—1926 гг., автор резюмирует: «... Материалы, собранные государственной статистикой за 1920—1926 гг. (время между двумя крупными демографическими переписями — Всероссийской и Всесоюзной), не дают по каждому году исчерпывающих и надежных сведений

о рождаемости, смертности, численности населения, об интенсивности и направлениях миграций»¹⁰. Исключением являются работы отечественных экономистов, демографов, географов, социологов.

«УЗКИЕ МЕСТА» В ИСТОРИОГРАФИИ

Констатируя в целом значительный вклад отечественной историографии в разработку истории миграций сельского населения СССР, мы заострим внимание на некоторых «узких местах» в изучении проблем, связанных с анализом интенсивности и направленности миграционных потоков, имевших место на территории нашей страны в прошлом. Следует заметить, что «узкие места», о которых пойдет речь ниже, характерны не только для исследований по истории механического движения сельского населения страны, но и для работ по миграциям населения в целом.

На сегодняшний день можно назвать целый ряд трудов, существенно продвинувших изучение миграционных процессов в дореволюционной России¹¹, а также аналогичных процессов, развивавшихся в советское время¹². Но при этом в отечественной историографии практически отсутствуют работы по истории миграционных перемещений населения в географических пределах СССР, которую бы не «оборвал» (с той или другой стороны) рубеж 1917 г. Словом, сложилась традиция рассматривать миграции в стране до и после Октября 1917 г. как два разных, практически не связанных между собой процесса¹³.

Традиционное для нашего обществознания и в ряде случаев оправданное деление истории страны на эпоху до- и эпоху послеоктябрьского развития, будучи механически перенесено на историю миграционных процессов, по нашему убеждению, объективно огрубляет фактуру исторической реальности. Редкое исключение — монография географа С. А. Ковалева, опубликованная в 1960 г. В ней автор поместил составленную им картограмму «Подвижность сельского расселения в областях Черноземного Центра с 1860 по 1926 г.»¹⁴ Картограмма показывает удельный вес более «молодых» селений, возникших после 1860 г., в размещении сельского населения указанного региона.

Между тем анализ существующей литературы позволяет сделать вывод о непрерывности миграционных процессов. В чем же конкретно это проявляется?

1. Как и раньше, в составе мигрантов начального периода советской истории значительна доля «самовольных» переселенцев¹⁵, что свидетельствует о сохранении стимулов, питавших стихийное развитие миграционных процессов.

2. Неизменными остаются и основные (традиционно центробежные) «стратегические» направления миграций. Специальный Указ ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июля 1925 г., законодательно оформляя существующие реалии, объявил де-юре плановое переселение в районы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Другой декрет прибавил к этому перечню Северный Кавказ и Урал¹⁶. Не совсем типичное включение районов Поволжья в общую структуру миграционных потоков объясняется конкретным историческим событием: последствиями голода 1921 г. в Среднем Поволжье.

3. Наконец, несмотря на кажущуюся парадоксальность данного утверждения, характер отношения к миграционным процессам со стороны государства, начиная примерно с пореформенного времени вплоть до второй половины 20-х гг. нашего века, в главном оставался неизменным. На протяжении первого послереволюционного десятилетия в миграционной политике не было предложено ничего принципиально нового. Советское правительство в соответствии с официальной критикой колониальной политики самодержавия (по оценке В. И. Ленина, авантюристической, а потому закономерно потерпевшей полное фиаско), исполненное решимостью исправить ошибки предшественников, вернулось уже в первые годы своего правления, по существу, к методам

царской администрации в отношении переселений до 1904 г. — усиленному сдерживанию напора миграционной волны при одновременной спешной подготовке экономико-географических плацдармов для приема мигрантов на малозаселенных территориях. Главная задача такой политики состояла в максимально возможной амортизации малоуправляемого стихийного процесса. Однако напор этой волны оказался столь мощным, а проблемы, ею порождаемые, столь острыми, что уже вскоре руководители Советского государства (как некогда их предшественники) были вынуждены отказаться от выбранной линии в миграционной политике. В конце 1924 — начале 1925 г. осуществляется переход к «плановому переселению». Но даже и на этом этапе говорить о радикальном переломе в истории миграционных процессов преждевременно.

Авторство термина «плановое переселение» принадлежит исключительно советским теоретикам и практикам миграционной политики, однако смысл, вкладываемый в него в 20-е и 30-е гг., различался существенным образом. Так, в упомянутых указах середины 20-х гг. термин «плановость» (переселения) по своему содержанию был еще далек от «плановости», употребляемой в контексте документов конца второго десятилетия, не говоря уже о 30-х гг. Плановое переселение в первых указах понималось как система мер, направленных на государственное регулирование процессов механического движения населения в пределах СССР. Существование на территории страны различных экономических укладов объективно требовало от государства постоянно учитывать сложный комплекс стихийных процессов, определявших жизнь общества того времени. Именно это обстоятельство послужило в конечном итоге тем «мостиком», который соединил миграционные потоки первых десяти лет советской власти с предшествовавшей этому периоду эпохой.

Черту всем этим процессам подвел кардинальный поворот в политическом развитии страны, повлекший за собой грандиозные социально-экономические изменения в обществе и вошедший в историю как период «реконструкции народного хозяйства». С этого времени процессы миграции населения в пределах СССР действительно утратили свой прежний смысл и отныне, в условиях предельной регламентированности всех сторон общественной жизни, подчинялись качественно иным законам.

Разумеется, всякая аналогия имеет свои границы. Относится это и к настоящей попытке обосновать связь между процессами миграций до- и послеоктябрьского времени. Общеизвестно, например, что миграционная политика Советского государства, в отличие от позиции самодержавия в этом вопросе, с самого начала не ставила перед собой цели русификации окраин. Достаточно вспомнить, к примеру, характер кампании, связанной с попыткой проведения так называемой земельно-водной реформы, объективно направленной, скорее, на «дерусификацию» Средней Азии и Казахстана. И все же главным, стержневым моментом, определявшим в период, предшествующий реконструкции народного хозяйства, характер и судьбы миграционных процессов в СССР, выступала тенденция сохранения в эти годы известного баланса в отношениях между государством и обществом, что совершенно не характерно для всего последующего времени. Что же касается 20-х гг., то, как писал В. З. Дробижев, «... в то время были опробованы (лишь опробованы. — *Авт.*) те формы территориального движения населения, которые получили затем широкое распространение в годы первых пятилеток»¹⁷.

При рассмотрении отечественной историографии механического движения населения страны приходится констатировать, что при всем многообразии работ, в том числе выполненных на бесспорно высоком профессиональном уровне, пространственная картина миграционных потоков в целом оставляет впечатление калейдоскопичности.

Самую многочисленную группу исследований, освещающих названный ас-

пект проблемы, составили (и это вполне естественно) работы локального характера, содержащие анализ миграций применительно к какому-то конкретному региону. Подобные публикации содержат, как правило, сведения об основных направлениях миграции населения из рассматриваемого региона (если речь идет о регионе-«доноре») или, напротив, о районах, поставляющих мигрантов сюда (когда дело касается региона с положительным сальдо миграции). Полезность этих работ очевидна. И все же попытка рассмотреть их как единый комплекс, призванный покрыть дефицит в целостной картине миграций, успеха не имеет, поскольку такие исследования обычно выполнены на основе разных источников и с применением разной методики. В результате полученные двумя исследователями выводы зачастую не сводимы воедино, даже когда дело касается определенных регионов.

К числу наиболее значительных и сравнительно новых работ, содержащих анализ исторически проблем миграций населения в масштабе страны, относятся труды Б. В. Тихонова, Н. И. Платунова, С. И. Брука, В. М. Кабузана, Н. А. Якименко¹⁸. Серьезно, хотя и в несколько особом аспекте исследовал эту проблему В. К. Яцунский¹⁹. Эти обстоятельные исследования тем не менее лишь отчасти проясняют пространственную картину процессов механического движения сельского населения по территории СССР.

Особый интерес в этом плане представляет монография Б. В. Тихонова о миграциях в России пореформенного времени. В ней предпринят анализ саждений о «неместных уроженцах», содержащихся в опубликованных результатах переписи 1897 г. и данных паспортной статистики тех лет²⁰. Использование легко формализуемой информации массовых источников, в первую очередь материалов переписи, позволило историку учесть весь комплекс традиционных направлений механического движения населения в их сложном многообразии, а не ограничиться несколькими, пусть и главными, миграционными потоками изучаемого периода. Основывая свои расчеты на довольно простой методике (мы говорим только об использованном статистическом инструментарии) и сосредоточив внимание лишь на рассмотрении показателей, касающихся составленных им балансов миграционного обмена между губерниями, автор, естественно, не исчерпал всех возможностей, касающихся механического движения населения России во второй половине XIX в.

В отношении же первой четверти XX в., за которой последовал период, подведший историческую черту под естественным развитием миграционных процессов на территории нашей страны, попыток анализа миграций указанного времени, подобных рассмотренной, не предпринималось вовсе.

Наконец, еще один момент. В отечественных работах распространен подход, в соответствии с которым авторы, исследующие миграционные потоки внутри страны, ограничиваются выделением районов с наибольшим оттоком населения и, напротив, районов, аккумулирующих мигрантов. Однако при этом за рамками анализа остается вопрос о возможно существовавшей связи между конкретным районом выхода и конкретным конечным пунктом миграции. В статье С. И. Брука и В. М. Кабузана обобщенная структура миграционного движения населения России представлена в следующем виде: «В 1897—1916 гг. продолжалось заселение Новороссии, Кавказа, Заволжья, Сибири, Казахстана и Средней Азии в основном переселенцами из земледельческого центра, Левобережной Украины, Поволжья, Восточной Белоруссии и Киевской губернии Правобережной Украины»²¹. Уже сам по себе этот вывод представляет безусловный интерес. Между тем вычленение отдельных пар регионов «поставщик — потребитель» или упорядочение «поставщиков»-мигрантов по степени их значимости для тех или иных регионов в рамках данного подхода не рассматривались.

Проблема существования связи между районом выхода мигрантов и конечным пунктом их передвижения не является в своей постановке чем-то новым для нашей историографии. Больше того, этот вопрос имеет свою

собственную историю, уже примерно в течение века выступая предметом научных дискуссий. В частности, еще с конца XIX в. ведет свое существование концепция «ландшафтной зависимости» между старой и новой родиной переселенцев. Связанная в свое время с именами таких ученых, как А. А. Кауфман, Г. Ф. Чиркин, Н. Турчанинов и др., эта концепция продолжает вызывать споры и по сей день.

Защищенные в 1980-е гг. две докторские диссертации — П. Д. Верещагина и Н. А. Якименко, посвященные крестьянским миграциям в России периода капитализма (на примерах, соответственно, Белоруссии и Украины), содержат прямо противоположные выводы о реальности существования «ландшафтной зависимости» в географии крестьянских переселений. Если П. Д. Верещагин, исходя из результатов собственного исследования, пришел к убеждению, что «... исходные положения концепции ландшафтной взаимозависимости районов выселения и вселения переселенцев не находят научно обоснованного подтверждения»²², то Н. А. Якименко делает следующий вывод: «... Изучение мест расселения выходцев из Украины указывает на существование тесной взаимосвязи ландшафта мест выхода и районов поселения...»²³. В конечном счете, оба эти утверждения формально не исключают одно другое, так как относятся к двум разным группам крестьян — крестьянам Белоруссии и крестьянам Украины; тем не менее сам факт существования в научной литературе подобного рода расхождений говорит о целесообразности последующих научных изысканий возможно более общего характера в упомянутом направлении.

Другими словами, следует констатировать назревшую необходимость в создании такой картины миграций в стране, которая бы представляла собой разумный компромисс между «двучленной схемой» миграционных потоков и сложным конгломератом миграционных связей регионов. Искомая картина может быть создана как путем отбора лишь сильных миграционных связей, так и в результате обоснованного агрегирования всего множества имеющихся связей. В последнем случае становится возможным выделить группы однородных регионов, действительно сходных по своему положению в единой многосложной структуре миграционного обмена между регионами страны. Обоснованность такого агрегирования, в свою очередь, может быть обеспечена путем использования высокоэффективной (применительно к содержанию решаемой задачи) методики.

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА: ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКА

Уникальную возможность преодолеть «узкие места» в освещении истории миграционных процессов, имевших место на территории страны в период, примерно соответствующий первой четверти XX в., предоставляют опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Полные итоги этой переписи, характеризующей численность и состав населения СССР на 17 декабря 1926 г., были опубликованы в виде 56 томов²⁴. Издание было разбито на 7 отделов. Для целей нашего исследования наибольший интерес представляет III отдел («Семейное состояние. Место рождения и продолжительность проживания. Увечность»), материалы которого опубликованы в 35—51-м томах. Данные об интенсивности миграционных потоков получены на основе сводки результатов ответов на 6-й и 7-й вопросы личного листа переписи («Где родился: здесь или нет; если не здесь, то где и сколько времени постоянно живет здесь?»). В таблице III отдела публикации материалов переписи («Уроженцы других районов по месту рождения. Итоги по социальным группам») эти данные представлены в виде матриц, содержащих показатели численности мигрантов для каждой пары регионов. Число этих

Таблица I

Основные показатели миграционной активности крестьянского населения районов страны *

Район	V	V^+	V^-	K^+ (%)	K^- (%)	K (%)
1. Северный	1 323 877	20212	26957	1, 5	2, 0	-14, 3
2. Ленингр. -Карельский	2617849	24598	136558	0, 9	5, 2	—69, 5
3. Западный	2242619	51 806	180434	2, 3	8, 0	-55, 4
4. Ц. -Промышленный	8363813	121 074	255 273	1, 4	3, 1	—35, 7
5. Ц. -Черноземный	6 287 234	80967	499 192	1, 3	7, 9	— 72, 1
6. Вятский	2 048 876	21 137	128 959	1, 0	6, 3	—71, 8
7. Уральский	3 187 729	137593	111 639	4, 3	3, 5	10, 4
8. Башкирский	1 436 148	94076	43367	6, 6	1, 0	36, 9
9. Средне-Волжский	5 828 751	126267	321 920	2, 2	5, 5	—43, 6
10. Нижне-Волжский	2 542 530	76499	107 570	3, 0	4, 2	— 16, 9
11. Крымский	191 167	20365	11 389	10, 6	5, 9	28, 3
12. Северо-Кавказский	3 825 108	322 046	98 148	8, 4	2, 6	53, 3
13. Дагестанский	311 609	13015	4957	4, 2	1, 6	44, 8
14. Казакский	3 011 978	466 070	46023	15, 5	1, 5	82, 0
15. Киргизский	465 409	36261	10 114	7, 8	2, 2	56, 4
16. Сибирский	4 258 495	1 359 215	55784	32, 7	1, 3	92, 1
17. Бурято-Монгольский	255 855	17 706	6864	6, 9	2, 7	44, 1
18. Якутский	166 439	1 346	662	0, 8	0, 4	34, 1
19. Дальне-Восточный	676 302	157 290	12297	23, 3	1, 8	85, 5
20. Белорусский	2 706 481	32283	242 229	1, 2	8, 9	— 76, 5
21. Полесский	1 642 794	28821	156 153	1, 8	9, 5	—68, 8
22. Правобережный	4 930 372	50990	282 547	1, 0	5, 7	-69, 4
23. Левобережный	3714564	69 057	415 899	1, 9	11, 2	-71, 5
24. Степной	2 860 976	147 650	222 653	5, 2	7, 8	-20, 3
25. Днепропетровский	1 175354	65 159	137621	5, 5	11, 7	—35, 7
26. Горнопромышленный	606 427	40 371	52666	6, 6	8, 7	— 13, 2
27. Закавказский	1 755 038	6767	25015	0, 4	1, 4	—57, 4
28. Узбекский	1 796 042	12823	9535	0, 7	0, 5	14, 7
29. Туркменский	403 400	3853	2889	0, 9	0, 7	14, 3

*Обозначения заголовков столбцов:

 V — число «хозяев в сельском хозяйстве», постоянно проживающих в обозначенном по строке районе; V^+ — число «хозяев в сельском хозяйстве» — неместных уроженцев, к моменту переписи постоянно проживающих в обозначенном по строке районе. V^- — число «хозяев в сельском хозяйстве» — уроженцев обозначенного по строке района, к моменту переписи постоянно проживающих в других районах; K^+ — коэффициент прибытия; K^- — коэффициент убытия; K — коэффициент миграционного баланса.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 35—51. М.; Л., 1930, 1931. Табл. IV, V.

больших территорий равно 29; они соответствуют сетке госплановских районов 1927 г. (см. список регионов в табл. 1). В данной работе интерес для нас представляла матрица межрегиональных миграций для хозяев в сельском хозяйстве. Каждое число в этой матрице показывает, сколько уроженцев одного региона постоянно проживало на момент проведения переписи в другом регионе. Всего же перепись 1926 г. зафиксировала 3 605 314 сельских хозяев — уроженцев других районов.

Полезная информация о потоках миграции содержится также в таблицах источника «Население по продолжительности проживания, народности, положению в занятии и отраслям народного хозяйства» и «Неместные уроженцы, проживающие в месте переписи постоянно, по месту рождения и месту проживания». В предисловии к III отделу публикации итогов переписи основные задачи этих таблиц охарактеризованы следующим образом: а) изучение направления миграционных потоков внутри страны; б) выявление центров, притягивающих население, и в) определение районов, тяготеющих к этим центрам²⁵.

На наш взгляд, этот источник содержит необходимые предпосылки для преодоления с его помощью узких мест существующей историографии, поскольку: 1) эти данные, фактически резюмируя развитие миграционных процессов в стране (прежде всего за предшествовавшую четверть века), позволяют исследовать миграционные потоки населения без искусственного разрыва по временному срезу Октября 1917 г.; 2) данные источника «Уроженцы других районов по месту рождения. Итоги по социальным группам» охватывают территорию всей страны, позволяя при соблюдении условия своей сопоставимости преодолеть локальные рамки исследования; 3) входы и выходы каждого миграционного потока четко зафиксированы указанием соответствующей пары регионов.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Прежде чем перейти к анализу структуры миграционных потоков сельского населения страны в конце XIX — первой четверти XX в., обратимся к показателям, характеризующим различные аспекты миграционной активности крестьян каждого из 29 регионов. Будем использовать с этой целью три коэффициента, обычно применяемых в демографических исследованиях²⁶: K^+ — коэффициент прибытия; K^- — коэффициент убытия, K — коэффициент миграционного баланса, где

$$K^+ = (V^+/V) \cdot 100\%; K^- = (V^-/V) \cdot 100\%; K = (V^+ - V^-)/(V^+ + V^-) \cdot 100\%.$$

В этих формулах V^+ (V^-) — число крестьян-мигрантов, въехавших в данный регион (выехавших из него) в течение рассматриваемого периода; V — общая численность данной категории населения на момент проведения переписи.

В то время как коэффициенты K^+ и K^- отражают степень миграционной подвижности исследуемой группы населения соответствующего региона, коэффициент K характеризует величину относительного превышения потока въезжающих в регион мигрантов над выезжающими. Его значения изменяются от —100% до +100%, а знак показывает, какой из двух потоков доминирует.

В таблице 1 приводятся абсолютные данные общей численности вселившихся и выселившихся из каждого региона крестьян, а также полученные на их основе значения коэффициентов K^+ , K^- и K . Наиболее высокие значения коэффициента прибытия K^+ указывают на значительность доли приезжих в общем числе сельских хозяйств в Сибирском ($K^+ = 32, 7\%$), Дальне-Восточном (23, 3), Казакском (15, 5), Крымском (10, 6) и Северо-Кавказском (8, 4) районах. В то же время для центральных регионов страны, большей части территории Украины и Белоруссии этот показатель имеет низкие значения. Между тем именно для Белоруссии и Украины наиболее высокими оказались значения коэффициента убытия $K^- = 11, 7\%$ для Днепропетровского, 11, 2 — для Левобережного, 9, 5 — для Полесского, 8, 9 — для Белорусского, 8, 7 — для Горнопромышленного районов.

Данные таблицы 1 содержат количественные оценки миграционной

Направления сильнейших миграционных потоков крестьянского населения на территории СССР в первой четверти XX в.

Район «выхода» переселенцев	Район «входа» переселенцев и значения частного коэффициента убытия, %
1. Северный	Сибирский (0, 86)*
2. Ленингр. -Карельский 3. Западный	Ц. -Промышленный (1, 96); Сибирский (1, 58) Сибирский (4, 26); Дальне-Восточный (0, 54); Казакский (0, 54)
4. Ц. -Промышленный	Сибирский (1, 49)
5. Ц. -Черноземный	Сибирский (4, 44); Северо-Кавказский (1, 17); Казакский (0, 68)
6. Вятский	Сибирский (3, 40); Уральский (1, 35)
7. Уральский	Сибирский (2, 21)
8. Башкирский	Сибирский (1, 18); Уральский (0, 57); Средне-Волжский (0, 54)
9. Средне-Волжский	Сибирский (2, 73); Казакский (0, 93); Башкирский (0, 53)
10. Нижне-Волжский	Сибирский (1, 21); Северо-Кавказский (0, 97); Казакский (0, 91)
11. Крымский	Степной (1, 74); Левобережный (0, 70); Северо-Кавказский (0, 66); Ц. -Черноземный (0, 62); Сибирский (0, 50)
12. Северо-Кавказский	Казакский (0, 70)
13. Дагестанский	Северо-Кавказский (0, 96)
14. Казакский	--
15. Киргизский	Казакский (1, 73)
16. Сибирский	--
17. Бурято-Монгольский	Дальне-Восточный (1, 45); Сибирский (1, 05)
18. Якутский	--
19. Дальне-Восточный	--
20. Белорусский	Сибирский (5, 65); Западный (0, 55); Уральский (0, 53)
21. Полесский	Сибирский (3, 04); Дальне-Восточный (1, 29); Казакский (0, 88); Правобережный (0, 72); Северо-Кавказский (0, 67); Степной (0, 63)
22. Правобережный	Степной (1, 27); Сибирский (1, 07); Казакский (0, 75); Дальне-Восточный (0, 71)
23. Левобережный	Сибирский (3, 20); Казакский (1, 93); Северо-Кавказский (1, 71); Дальне-Восточный (0, 83); Днепропетровский (0, 60); Степной (0, 50)
24. Степной	Казакский (2, 37); Северо-Кавказский (1, 26); Сибирский (1, 06); Днепропетровский (0, 54)
25. Днепропетровский	Казакский (2, 85); Сибирский (1, 82); Северо-Кавказский (1, 46); Степной (1, 39); Левобережный (0, 93); Средне-Волжский (0, 85); Горнопромышленный (0, 65)
26. Горнопромышленный	Северо-Кавказский (2, 13); Казакский (1, 57); Сибирский (1, 03); Ц. -Черноземный (1, 02); Степной (0, 63); Левобережный (0, 56)
27. Закавказский	Северо-Кавказский (0, 92)
28. Узбекский	--
29. Туркменский	--

*Здесь и далее в скобках приводятся значения частного коэффициента убытия $K_{\text{ц}}$, который показывает долю крестьян, переселившихся из одного района в другой в процентах от крестьянского населения района «выхода». Так, число 0, 86 в 1-й строке таблицы указывает, что доля крестьян — уроженцев Северного района, зафиксированных переписью в Сибири, составляет 0, 86% от крестьянского населения Северного района.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 51. М.; Л., 1931. С. 222—225.

активности известных в историографии районов-«потребителей» и «поставщиков» крестьянских мигрантов. Как подтверждается значениями коэффициента миграционного баланса K , максимальное преобладание въезда сельских хозяев над выездом было характерно для окраинных районов страны — Сибирского ($K = 92, 1\%$), Дальне-Восточного (85, 5), Казакского (82, 0), Киргизского (56, 4) и Северо-Кавказского (53, 3). Напротив, максимальное преобладание крестьянского выезда над въездом было присуще Белорусскому ($K = -76, 5\%$), Центрально-Черноземному ($-72, 1$), Вятскому ($-71, 8$), Левобережному ($-71, 5$) и Ленинградско-Карельскому ($-69, 5$) районам. Данные таблицы 1 позволяют получить представление не только о глобальном развитии протекавшего с конца XIX до примерно второй половины 20-х гг. XX в. процесса крестьянских миграций, но и о непосредственном участии в указанном процессе каждого отдельно взятого региона. Тем не менее эти данные отражают миграционную активность каждого региона лишь обобщенно, характеризую обмен мигрантами между каким-то конкретным регионом, с одной стороны, и всеми остальными, рассмотренными в совокупности, — с другой. Между тем материалы переписи 1926 г. содержат необходимую информацию, позволяющую исследовать миграционные контакты каждой пары территорий, в сетке 29 выделяемых ЦСУ хозяйственных районов.

* * *

На основе таблицы источника «Уроженцы других районов, по месту рождения. Итоги по социальным группам»²⁷ нами были рассчитаны значения частного коэффициента убытия K_{ij}^- для каждой пары регионов. Расчет осуществлялся по следующей формуле:

$$K_{ij}^- = (V_{ij}^- / V_i) \cdot 100\%,$$

где V_i^- — численность крестьянского населения i -го региона,

V_{ij}^- — число крестьян, переселившихся из i -го региона в j -и регион в течение рассматриваемого периода.

Смысл частного коэффициента убытия в следующем: его значение показывает долю крестьян, переселившихся из одного региона в другой, в процентах от крестьянского населения первого региона.

В результате было получено более 800 значений коэффициента K_{ij}^- (точнее, это число равно $29 \cdot 28$), характеризующих весь спектр теоретически возможных направлений крестьянской миграции с территории каждого из 29 регионов. Еще столько же значений добавилось с расчетом K_{ij}^+ , что позволило получить детальную информацию теперь уже о структуре въезда, опять-таки в каждый, отдельно взятый регион.

В качестве главного объекта последующего рассмотрения была принята система показателей, характеризующих структуру направлений выезда крестьян-переселенцев за пределы региона.

С целью выделить в числе 800 учетных крестьянских миграционных потоков самые мощные, был принят «порог» $a = 0, 5\%$, ниже которого поток не фиксировался. Данный порог означает условие, в соответствии с которым группа крестьянских мигрантов, выезжающих из региона A в регион B , должна быть достаточно большой относительно крестьянского населения региона A (не менее 0, 5%). Таких потоков оказалось 69 (см. табл. 2). Если ограничиться еще более высоким значением порога ($a = 1, 0\%$), то содержание таблицы 2 можно сделать наглядным, построив схему основных потоков крестьянских перемещений по территории страны в период конца XIX — первой четверти XX в. (см. рис. 1). Попробуем в общих чертах охарактеризовать содержание полученной схемы. Итак, уже в самом первом приближении можно подтвердить факт суще-

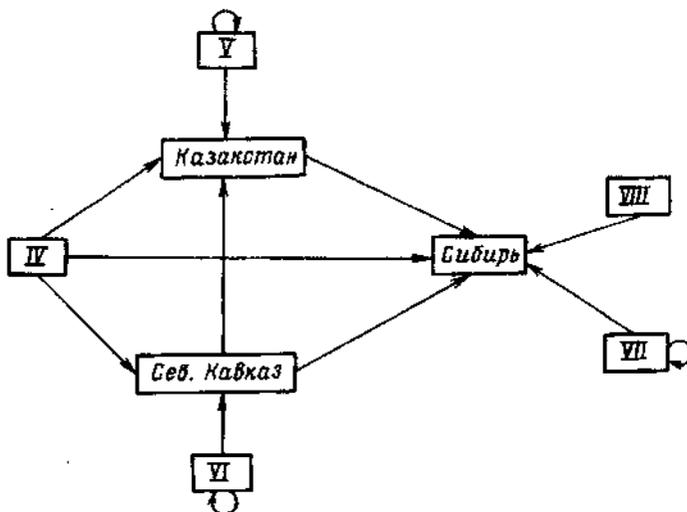

Рис. 1. Укрупненная структура межрегиональной миграции крестьян. Схема построена по данным табл. 3; изображены направления интенсивной крестьянской миграции, соответствующие наиболее высоким числам в табл. 3 (превышающим пороговое значение 10%). Состав макрорайонов указан в табл. 3

ствования трех главных, глобальных по своему значению, миграционных потоков, так сказать, стратегических направлений движения крестьянских переселенцев: с территории Европейской России на восток, юго-восток и юг страны. Очевидно также, что в основе данного факта лежит существование трех мощных географических плацдармов, стягивавших на себя большую часть главных потоков крестьянской миграции. Первое место в числе этих, крупнейших регионов-потребителей, без сомнения, принадлежит Сибири, чье значение в истории крестьянских миграций в России первой четверти XX в. трудно переоценить. Затем идут Казакский и Северо-Кавказский регионы. К их числу, видимо, следует отнести и Дальний Восток, который (правда, лишь с натяжкой) может идти в сравнение с тремя ранее названными регионами страны.

Следует отметить, что практически все регионы страны активно участвуют в миграционном движении крестьянского населения, по меньшей мере в одном из указанных выше направлений. Показательно также, что всякий раз набор регионов, выделяемых в качестве активных поставщиков мигрантов в какой-то один из данных трех регионов, неизменно представлен на карте как единая территория.

Ведущие регионы-потребители имели как «совокупных» (посылавших значительное число крестьянских переселенцев наряду с этим и в других направлениях), так и индивидуальных (в лице отдельных регионов) поставщиков мигрантов. Исключение составил лишь Дальне-Восточный регион, не имевший своих специфических источников механического пополнения крестьянского населения. Западный, Полесский, Правобережный и Левобережный регионы, с одной стороны, и Бурято-Монгольский — с другой, отмеченные довольно мощной волной крестьянской миграции с их территории на Дальний Восток, все без исключения выступают одновременно и как активные поставщики мигрантов в иных направлениях.

Совокупным поставщиком мигрантов в Сибирь выступила практически вся Европейская Россия, вплоть до границ с Северным Кавказом и далее Казакской АССР (сегодняшним Казахстаном). Другими словами, влияние «притяжения»

сибирского направления крестьянских миграций заканчивалось лишь на границе с регионами, которые сами выступали конечным пунктом вполне автономных сильных миграционных потоков. В этой связи интересно заметить, что для судеб крестьянской миграции из таких регионов, как Закавказский, Дагестанский и Киргизский, решающим явилось их непосредственное географическое соседство, а также отсеченность от остальных территорий страны мощным «аккумулятором» пришлого крестьянского населения, таким, как Северный Кавказ в одном случае, и Казакская АССР — в другом.

Используемые нами индикаторы интенсивности крестьянских миграций конца XIX — первой четверти XX в. позволяют сопоставлять миграционные потоки в различных аспектах. Так, опираясь на данные, приводимые в таблице 2, можно утверждать, что на фоне всех учтенных нами «узконаправленных» крестьянских миграционных потоков самым интенсивным за рассмотренный период предстает поток переселенцев, двигавшихся из Белоруссии в Сибирь: за отрезок времени, примерно равный четверти века, в Сибирь на постоянное место жительства перекочевало более 5% ($K_{ij}^- = 5, 65$) крестьянского населения данного региона. Следующими в этом ряду можно поставить потоки, направленные опять же в Сибирь, но уже из Центрально-Черноземного (4, 44) и Западного (4, 26) районов. Данные таблицы 2 позволяют продолжить этот перечень. Чтобы оценить масштаб этих цифр, достаточно вспомнить, что из примерно 800 первоначально принятых к рассмотрению «двучленных» межрайонных миграционных связей лишь 69 показали значение $K_{ij}^- > 0, 5\%$. Для всей же совокупности значений K_{ij}^- медиана (средняя величина) равняется 0, 02%.

Ценность вводимых в научный оборот материалов переписи 1926 г. о миграциях заключена, таким образом, в том, что их использование позволяет оценивать относительную (т. е. полученную с учетом всех миграционных потоков) значимость миграционной связи между любой парой регионов. Так, сравнивая структуру выезда двух соседних регионов — Белорусского и Правобережного, легко заметить, что масштаб переселений крестьян Белоруссии в Сибирь более чем в четыре раза превосходил аналогичный показатель, рассчитанный для правобережной части Украины (см. табл. 2).

Наряду с глобальным, охватившим почти всю страну движением крестьян-переселенцев в восточном, юго-восточном и южном направлениях, перепись 1926 г. запечатлела следы и более локальных миграционных потоков, относительная значимость которых в ряде случаев вполне сравнима с масштабами крестьянской миграции, протекавшей в рассмотренных трех «универсальных» направлениях. К наиболее значительным из числа локальных можно отнести следующие направления крестьянской миграции: из Ленинградско-Карельского региона в Центрально-Промышленный ($K_{ij}^- = 1, 96\%$); из Бурято-Монгольского в Дальне-Восточный (1, 45); из Вятского в Уральский (1, 35); потоки миграции, направленные в Степной подрайон Украинской ССР из Днепропетровского (1, 39), Правобережного (1, 27) и Крымского (1, 74) регионов; наконец, поток крестьянских переселенцев, направленный из Горнопромышленного подрайона Украины в Центрально-Черноземный регион страны (1, 02). На схеме перечисленные направления отмечены стрелками (см. рис. 1).

Данные таблицы 2 позволяют также выявить и наиболее значимые на общем фоне примеры активного двустороннего обмена мигрантами между конкретными парами регионов. Принятый порог позволил назвать три случая, подобного рода миграционных отношений: между Башкирией и Средне-Волжским регионом; Днепропетровским и Степным подрайонами УССР; между Днепропетровским и Левобережным подрайонами Украины.

Что касается Украины в целом, то здесь привлекает внимание факт интенсивного развития внутривнутриреспубликанской миграции крестьянского населения. Данные таблицы 2, в частности, фиксируют несколько особое в

сравнении с другими украинскими областями положение Степного подрайона республики, чья роль во внутриукраинском крестьянском миграционном движении сводилась в рассматриваемый период главным образом к функции потребителя миграционных потоков, исходивших с сопредельных территорий. Характерно, что вышеуказанный процесс протекал наряду с активнейшим участием подрайонов республики в глобальном переселенческом движении на юг, юго-восток и восток страны.

Существовали, наконец, регионы, чье фактическое участие во всеобщем процессе крестьянских миграций было настолько незначительным, что пороговое значение ($K_{ii} = 0, 5\%$) вообще оставило их за пределами схемы. В подобном качестве выступили Узбекский, Туркменский и Якутский регионы.

* * *

В ходе анализа, основываясь на использовании традиционных демографических показателей, мы попытались выделить несколько главных характерных черт протекавшего в стране процесса крестьянских миграций, результаты развития которого за примерно четверть века отразили материалы переписи 1926 г. Вместе с тем в этой части исследования целесообразно сформулировать два методологически важных замечания.

1. Мы сознательно отказались от попытки рассмотрения всего практически необозримого разнообразия миграционных потоков крестьянского населения страны, сконцентрировав внимание на важнейших из них. Это позволило «разгрузить» создаваемую картину-схему миграционных процессов, сделав ее доступной для интерпретации. Однако (и это другая сторона медали) при данном подходе объективно приходится иметь дело если и не с «верхушкой айсберга», то и не с полным его основанием: в этом случае теряется примерно третья часть имеющейся информации об интенсивности потоков крестьянских переселенцев, сменивших место жительства (регион проживания) в конце XIX — первой четверти XX в. (на 69 рассмотренных нами потоков из общего числа более 800 приходится 68% всей суммарной по стране численности крестьянской миграции).

2. Структурное многообразие механического движения крестьянского населения страны выразилось в примерах многократных наложений одинаково или противоположно направленных миграционных потоков. В результате регионы, сходные по структуре выезда относительно одного направления, могли столь же решительно различаться относительно другого. В этой связи возникает вопрос о построении укрупненной картины миграции, где в качестве группообразующего фактора использовалась бы структура миграционных взаимосвязей всех 29 регионов страны.

Суммируя оба замечания, можно констатировать потребность в эффективной методике, применение которой дало бы возможность, оперируя имеющимся в нашем распоряжении материалом, построить оптимальную миграционную типологию территории страны, которая: а) будет основана на учете всех без исключения миграционных потоков крестьянского населения, от крупнейших до самых малозначительных, и б) будет указывать принадлежность каждого региона к той или иной группе (типу), исходя из общности главных тенденций процессов крестьянской миграции, характерных для регионов, составивших каждую такую группу (тип).

Нами разработана методика, позволяющая решить сформулированную задачу.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ МИГРАЦИЙ

Специфика предлагаемой методики определяется характером исходных данных. Если в работах, посвященных аграрной типологии России конца XIX — начала XX в., исходные данные были представлены в виде таблицы «объекты-

признаки», и для построения региональной типологии использовались методы многомерной классификации (кластерного анализа)²⁸, то в данной работе исходная информация представлена таблицей связей между парами объектов. Такой вид имеющихся данных требует специальных методов типологизации.

При исследовании сложной системы, состоящей из большого числа взаимосвязанных элементов, возникает необходимость выявления укрупненной (агрегированной) структуры изучаемой системы. В данной работе используется предложенный нами аппроксимационный метод агрегирования (АМА)²⁹, основанный на гипотезе о том, что макроструктура системы может быть представлена в виде набора подсистем, каждая из которых состоит из элементов, имеющих «однородные», близкие по величине связи с элементами других подсистем. За счет определенной типизации множества связей, группировки элементов мы переходим от исходной «калейдоскопичной» картины связей, содержащей сотни (или тысячи) второстепенных деталей, к укрупненной структуре. Тем самым создается возможность выявления основных потоков связей, определения групп элементов — «поставщиков» и «потребителей», «узлов» связей и автономных групп, относительно изолированных от остальных подсистем.

Рассматриваемый метод АМА (он относится к методам структурной типологизации) сводится к решению экстремальной комбинаторной задачи. В итоге для заданного числа групп мы получаем оптимальное разбиение элементов на группы, а также матрицу межгрупповых связей.

* * *

В соответствии с преследуемой целью — выделить общие для регионов тенденции крестьянских миграций — материал источника был использован в том виде, который позволил, абстрагируясь от абсолютных величин миграционных потоков (составивших основу рассмотрения в предыдущей части работы), исследовать возможное сходство между регионами в структуре исходящих с их территории потоков крестьянской миграции. Компьютерной обработке подверглась матрица структурных (или относительных) коэффициентов миграции (размером 29X29), в которой каждый коэффициент S_{ij} фиксировал долю крестьян — уроженцев i -го района, переселившихся в j -й район, относительно общего числа крестьян — переселенцев i -го района. Так, перепись зафиксировала 152 934 уроженца Белоруссии, проживавших в Сибири. Учитывая, что общее число уроженцев Белоруссии, проживавших на момент переписи в других районах страны, равно 242 229, получим значение структурного коэффициента миграции для данного направления:

$$S = 152934/242229 \cdot 100\% = 63,1\%.$$

Обратимся к результатам построения региональной типологии структуры крестьянских миграций. С помощью метода АМА выделено восемь групп, состоящих из районов со схожей структурой миграционных потоков. Назовем их:

1. Сибирский край;
2. Казакская АССР;
3. Северо-Кавказский край;
4. Центрально-Черноземный район, Крымская АССР, Белорусская ССР, Полесский, Правобережный, Левобережный, Степной, Днепропетровский и Горнопромышленный подрайоны Украинской ССР;
5. Киргизская АССР, Узбекская ССР, Туркменская ССР;
6. Дагестанская АССР, Закавказский край;
7. Якутская АССР, Бурято-Монгольская АССР, Дальне-Восточный край;
8. Северный, Ленинградско-Карельский, Западный, Центрально-Промыш-

Укрупненная структура межрегиональной миграции крестьян: матрица средних значений относительных коэффициентов убытия *

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I	—	31, 8	5, 2	1, 5	0, 5	0, 1	9, 5	2, 1
II	19, 0	—	8, 9	1, 6	7, 3	0, 1	0, 8	3, 6
III	10, 6	27, 5	—	2, 7	1, 3	5, 1	1, 8	2, 0
IV	27, 5	14, 3	12, 3	3, 5	0, 3	0, 3	1, 7	1, 3
V	1, 5	42, 4	3, 0	0, 8	14, 0	1, 3	0, 2	1, 7
VI	1, 2	1, 6	62, 1	1, 1	0, 4	11, 4	0, 1	1, 3
VII	40, 9	2, 4	2, 5	0, 8	0, 1	0, 0	16, 6	1, 5
VIII	45, 4	9, 0	4, 1	0, 7	0, 2	0, 1	0, 8	4, 0

*Каждое число в таблице показывает среднее значение относительного (структурного) показателя убытия S_{ij} из одного макрорайона, указанного в соответствующей строке таблицы, в другой макрорайон, указанный в столбце. Так, число 62, 1 в 6-й строке и 3-м столбце означает, что доля крестьян — уроженцев Дагестана в Закавказья, проживавших на момент переписи на Северном Кавказе, составляла в среднем для Дагестана и Закавказья 62, 1 % от общего числа крестьян-мигрантов каждого из этих двух районов выезда. Состав типологических макрорайонов:

I — Сибирский

II — Казакский

III — Северо-Кавказский

IV — Центрально-Черноземный, Крымский, Степной, Днепропетровский, Горнопромышленный, Правобережный, Левобережный, Белорусский, Полесский

V — Киргизский, Туркменский, Узбекский

VI — Дагестанский, Закавказский

VII — Бурято-Монгольский, Дальне-Восточный, Якутский

VIII — Башкирский, Вятский, Западный, Ленинградско-Карельский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский, Центрально-Промышленный.

ленный, Вятский, Нижне-Волжский, Средне-Волжский и Уральский районы РСФСР, Башкирская АССР.

При такой группировке достигается оптимальная типизация миграционных потоков, а именно — объединение регионов по сходству структуры выезда с их территории крестьян-переселенцев.

Обращает на себя внимание тот факт, что каждая из восьми образованных групп состоит из территориально смежных регионов. Данное обстоятельство позволяет рассматривать каждую такую группу как единый обособленный макрорайон, что заметно облегчает интерпретацию полученной типологии. Исходя из территориальной целостности этих макрорайонов, будем в дальнейшем именовать их следующим образом: 1. Сибирский; 2. Юго-Западный; 3. Северо-Кавказский; 4. Казакский; 5. Средне-Азиатский; 6. Закавказский; 7. Северо-Восточный; 8. Центральный.

Приступая к интерпретации результатов построенной компьютером типологии, следует особо отметить произошедшее выделение Сибири, Казакской АССР и Северного Кавказа в качестве самостоятельных и уникальных по характеру участия в миграционных процессах макрорайонов страны. Это представляется вполне естественным, особенно с учетом того, что из числа крестьян, сменивших в течение исследуемого периода регион проживания, 59, 6% переселились только в эти три региона.

Интересный материал для интерпретации дают вычисления показателей, характеризующих структуру миграционных отношений между образованными группами регионов (см. табл. 3).

Если проследить направления крестьянской миграции из трех главных макрорайонов-«потребителей» — Сибирского, Казакского и Северо-Кавказского,

можно заметить, что крестьяне, проживавшие раньше в этих трех регионах, но решившие по тем или другим причинам сменить свое «благодатное» местожительство, в остальном не составляли исключения из общего правила, продвигаясь, в первую очередь, в одном из двух оставшихся глобальных направлений миграционных потоков. Особенно зримо это происходило с потоками крестьянской миграции из Сибири в Казакскую АССР (S_{ij} 31, 8% — такова доля этого миграционного потока в общем числе крестьян-уроженцев Сибири, зафиксированных переписью 1926 г. в качестве проживающих в других районах страны), из Казакской АССР в Сибирь (19, 0%), с территории Северного Кавказа в Казакскую АССР (27, 5%) и одновременно в Сибирь (10, 6%).

Крупнейший, объединяющий большую часть территорий европейской части России Центральный макрорайон отличает решительная миграционная ориентация на Сибирь (в среднем 45, 4% для каждого района этой группы) при значительно меньшей, хотя и достаточно сильной, — на Казакскую АССР (10%).

Говоря о специфике Юго-Западного макрорайона, следует указать на бросающийся в глаза факт: данный макрорайон последовательно вобрал в себя все территории, отмеченные наибольшим оттоком из них крестьянских мигрантов (см. табл. 2). Именно это обстоятельство и предопределило главную черту, присущую структуре направлений выходящих из этого макрорайона миграционных потоков, которая выразилась в выполняемой им роли универсального поставщика мигрантов по всем трем «генеральным» направлениям: Сибирском (27, 5%), Казакском (14, 3%) и Северо-Кавказском (12, 3%).

В общей схеме миграционных процессов, место трех оставшихся макрорайонов — Северо-Восточного, Закавказского и Средне-Азиатского — выделяется своей в определенном смысле единообразием: все три макрорайона отмечены сильной миграционной ориентацией на расположенный рядом мощный аккумулятор миграционных потоков в лице, соответственно, Сибири, Северного Кавказа и Казакской АССР при значительном, опять же во всех трех случаях, объеме внутренней (между регионами, внутри данного макрорайона) миграции. Здесь уместно снова вспомнить гипотезу, предложенную в процессе содержательного анализа материалов таблицы 2, объясняющую специфику участия в миграционных процессах таких регионов, как Закавказская ССР, Дагестанская АССР и Киргизская АССР: их «отсеченностью» от прочих территорий страны регионом, выступавшим в то время конечным пунктом одного из трех глобальных направлений крестьянской миграции. Полученная типологическая структура содержит подтверждение сформулированной ранее гипотезы. Если взглянуть на карту, легко убедиться, что все три рассматриваемых макрорайона (Северо-Восточный, Закавказский, Средне-Азиатский) представляют каждый в своем случае строго логичное, с точки зрения высказанной гипотезы, объединение регионов, как бы «замыкающих с другой стороны» какое-то одно из трех главных направлений механического движения крестьянства. Именно с этой точки зрения совершенно логичным выступает объединение Дальне-Восточного края с Бурято-Монгольской АССР и Якутией, Дагестана с Закавказьем, а Туркмении и Узбекистана с Киргизией.

* * *

Наконец, в завершение коснемся еще одного аспекта проблемы. Данные таблицы источника «Население по продолжительности проживания, народности, положению в занятии и отрасли народного хозяйства» содержат распределение миграционных потоков во времени, осуществленное в соответствии со следующей периодизацией: до 1897 г., 1897—1906 гг., 1907—1913 гг., 1914—1916 гг., 1917—1920 гг., 1924 г., 1925 г., 1926 г. Таблица 4 и рисунок 2 характеризуют

Распределение числа крестьян — неместных уроженцев трех основных районов по продолжительности проживания

Продолжительность проживания	Районы «входа» крестьянского населения					
	Сибирский		Казакский		Северо-Кавказский	
30 лет и более (до 1897 г.) *	198 774	13250	64443	4296	138 354	9222
20—29 лет (1897—1906 гг.)	254 327	25433	94488	9449	114643	11 464
13—19 лет (1907—1913 гг.)	599 125	85589	227 264	32 466	122476	17497
10—12 лет (1914—1916 гг.)	102 838	34279	74581	24860	47611	15870
6—9 лет (1917—1920 гг.)	234 447	58612	91 137	22784	122796	30699
3—5 лет (1921 — 1923 гг.)	233 090	77697	132677	44226	204 401	68 134
2 года (1924 г.)	76544	76544	36236	36236	61 661	61 661
1 год (1925 г.)	75576	75576	30333	30333	46099	46099
до 1 года (1926 г.)	56978	56978	13 968	13968	33767	33767

* При расчете среднегодового числа крестьян-мигрантов для этого периода длительность его принималась равной 15 годам.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XL. С. 63, 67; Т. XLII. С. 44, 45; Т. XXXIX. С. 116, 119. М.; Л., 1930.

динамику колебаний объема крестьянских миграционных потоков, развивавшихся в трех крупнейших направлениях: Сибирском, Казакском и Северо-Кавказском. Для сопоставления данных, характеризующих периоды различной длительности, мы вычислили среднегодовые оценки числа переселенцев.

Сведения о размерах миграционных потоков, легшие в основу предлагаемой диаграммы, не вполне идентичны материалам, используемым в предыдущем разделе: данные переписи наряду со сведениями о мигрантах, прибывших в рассматриваемый регион из других регионов, включают и информацию о переселенцах, сменивших пункт проживания, не выезжая за пределы своего региона, причем обе эти группы объединены здесь под единой рубрикой «неместные уроженцы». Сравнение их показывает, что для рассматриваемых трех регионов доля «внешних» мигрантов (первая группа) составляет в целом более 60% от общего числа «неместных уроженцев». Это позволяет использовать сведения источника о «неместных уроженцах» при оценке тенденций, присущих характеру развития миграционных процессов за отрезок времени, примерно равный первой четверти XX в.

Обращаясь к диаграмме (рис. 2), можно констатировать наличие двух особенно заметных всплесков миграционной активности крестьянского населения, пришедшихся на период столыпинской реформы и годы гражданской войны.

Первый всплеск миграции условно можно назвать Сибирским: за период 1907—1913 гг. в Сибирь переселилось примерно в два раза больше крестьян, чем в целом на Северный Кавказ и в Казахстан. Причем сибирское направление оставалось доминирующим на протяжении всего рассматриваемого периода — с конца XIX по конец первой четверти XX в. Отчетливо виден на диаграмме спад миграционной активности, пришедшийся на годы первой мировой войны. Для второго всплеска крестьянских переселений характерным является возрастание удельного веса Казахстана и особенно Северного Кавказа в общем объеме крестьянских миграций. Именно на начало 20-х гг. приходится пик числа «неместных уроженцев», зафиксированных переписью 1926 г. в указанных двух районах (см. рис. 2). Миграционный поток, направленный на Северный Кавказ в послеоктябрьский период и особенно после гражданской войны.

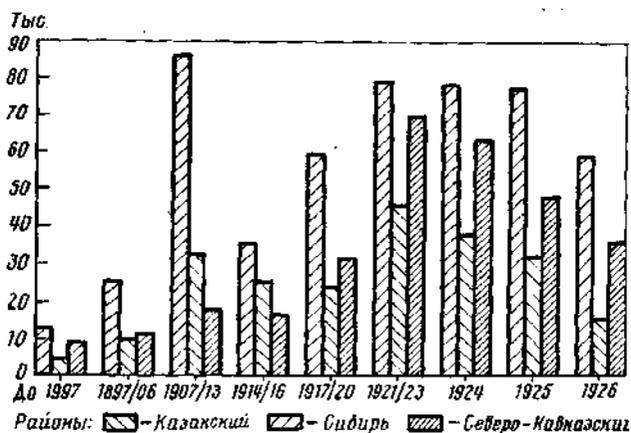

Рис. 2. Динамика среднегодового количества переселенцев для трех основных районов входа крестьянского населения (распределение числа крестьян — «неместных уроженцев» по длительности проживания)

значительно превысил свои дореволюционные размеры. Не последнюю роль в этом, возможно, сыграл 1921 год, отмеченный беспрецедентным по масштабу движением голодающего населения Поволжья в «сытые» районы, и прежде всего на Северный Кавказ. Здесь уместно вспомнить предположение Н. Турчанинова, попытавшегося к середине 20-х гг. оценить главные перспективные направления крестьянских переселений на первое послереволюционное десятилетие: «... большая часть переселенцев, как и в довоенное время, конечно, будет предъясвлять заявки главным образом в районы Сибири и Дальнего Востока. Заселение Поволжья и Северного Кавказа может носить только эпизодический характер»³⁰. Данные переписи между тем наглядно свидетельствуют о том, что именно в 20-е гг. поток крестьянской миграции в Северо-Кавказский регион достиг беспрецедентных для него масштабов (как в абсолютном исчислении, так и по своему удельному весу).

Выделение двух пиков в истории крестьянских миграций — до- и послереволюционного (из которых второй в целом не уступает первому) доказывает ошибочность заключения Н. И. Платунова о значительном сокращении масштабов крестьянского переселенческого движения в годы, предшествующие «реконструкции народного хозяйства» по сравнению с дореволюционным временем, что было вызвано, по его мнению, заинтересованностью крестьянства: «в быстрейшем освоении полученных от советской власти в личное трудовое пользование земельных наделов»³¹.

Другой важный вывод, вытекающий из анализа диаграммы (рис. 2), касается высказанного выше тезиса о зримой преемственности в развитии миграционных процессов в до- и послеоктябрьское время, преемственности, прослеженной на примере трех крупнейших регионов-потребителей миграционных потоков — Сибири, Казакской АССР и Северного Кавказа.

* * *

Материалы переписи 1926 г. о миграциях представляют собой итог механического движения населения в географических пределах СССР за предшествующий переписи примерно тридцатилетний период (перепись 1926 г. называет цифру около 90% «неместных уроженцев», которые сменили место жительства после 1897 г.). Характерной чертой упомянутого периода является высокий уровень миграционной активности населения. Этот период фактически завершает долговременный этап естественного развития протекавших в стране

миграционных процессов. В этом смысле обращение к данным переписи 1926 г. о «неместных уроженцах» дает уникальную возможность исследовать структуру миграций населения: а) в момент уже достигнутой определенной стадии зрелости самого явления и б) накануне эпохальных перемен, коренным образом повлиявших на характер исследуемых процессов.

В настоящей работе сделана первая в своем роде попытка реализации такой возможности. В соответствии с поставленной задачей авторами были привлечены сведения лишь о мигрантах из числа «хозяев в сельском хозяйстве». Между тем таблицы переписи содержат аналогичный материал и о хозяевах, занятых в других экономических отраслях, например, в строительстве или на транспорте, а также о служащих и рабочих различных отраслей. Таким образом, открывается возможность исследования структур миграционных потоков по данным о других категориях населения страны. Дальнейший сравнительный анализ позволит выявить общее и особенное в структуре миграции различных групп населения.

Примечания

¹ С. А. Короленко, ссылаясь на 1107-ю статью IX тома Свода Законов, постановляющую отбирать в казенное ведомство помещичьих крестьян, если в связи с приростом населения у них оставалось на душу мужского пола менее 4, 5 дес. земли, обосновывает причину, побуждавшую помещиков проявлять заботу о переселении избытка крестьян в другие, менее населенные губернии юга и юго-востока страны, где под государственных крестьян казной отводились специальные участки, а помещикам для расселения собственных крепостных приходилось покупать у государства «пустопорожние» земли. (Короленко С. А. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Вып. V. Вольнонаемный труд в хозяйствах и передвижение рабочих в связи со статистико-экономическим обзором Европейской России в сельскохозяйственном и промышленном отношениях. СПб., 1882. С. 81). Однако значение этого фактора в истории освоения окраин не следует переоценивать. Так, Я. Е. Водарский, специально исследовавший эту проблему, пришел к выводу, что «большинство мигрантов были беглыми крестьянами». (Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начала XVIII века. М., 1977. С. 197).

² Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 152—159.

³ Якименко Н. А. Переселение крестьян Украины на окраины России в период капитализма (1861—1917 гг.): Автореф. дис.... докт. ист. наук. Киев, 1989. С. 16.

⁴ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917—июль 1941 гг.). Томск, 1976. С. 36.

⁵ Скляр Л. Ф. Указ. соч. С. 152—159.

⁶ См.: Якименко Н. А. Указ. соч. С. 2.

⁷ Историографию проблемы см.: Якименко Н. А. Советская историография переселения крестьян в Сибирь и на Дальний Восток (1861 — 1917 гг.) // История СССР. 1980. № 5. С. 91 — 104; его же. Переселение крестьян Украины... С. 2—4; Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX века — 1917 г.) // История СССР. 1980. № 3. С. 77—79; Турчанинов Н. Потребность в миграциях сельского населения в связи с его дифференциацией в Центрально-Земледельческом, Западном, Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах // Материалы по вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР (Труды Государственного Колонизационного научно-исследовательского института. Т. 3.) М., 1982. С. 327—332; Шелестов Д. К. Демография: история и современность. М., 1983; Горюшкин Л. М. Досоветская историография переселенческого движения в Сибирь в период капитализма // Исторические записки. М., 1989. С. 215—254.

⁸ Платунов Н. И. Указ. соч.; Тимонина Н. Е. Государственное регулирование сельскохозяйственного переселения в Западную Сибирь в 1920—1929 гг.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Томск, 1989.

⁹ Платунов Н. И. Указ. соч.

¹⁰ Киселев И. Н. Статистические источники по движению населения СССР в 1920—1926 гг. // Социально-экономическое развитие советского общества. Проблемы историографии и источниковедения. М., 1982. С. 21.

¹¹ См. работы С. М. Брука, В. М. Кабузана, Л. Ф. Склярова, П. Г. Верещагина. Н. А. Якименко, В. Г. Тюкавкина и других ученых.

¹² См., напр., библиографию в: Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987.

¹³ Попытки обосновать связь миграционных процессов в крестьянском населении страны до- и послеоктябрьского времени содержит названная выше статья Н. Турчанинова. Однако автор использует для характеристики миграций советского периода лишь косвенные сведения, в результате чего предлагаемые в этой связи выводы носят в конечном счете (что признается и самим ученым) характер гипотетического прогноза. Другое исключение содержит монография Л. Л. Рыбаковского,

в которой освещается история заселения Дальнего Востока примерно за последние полтора столетия (Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990).

¹⁴ Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960. С. 321.

¹⁵ Платунов Н. И. Указ. соч. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 68—69.

¹⁷ Дробижев В. З. Указ. соч. С. 106.

¹⁸ Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX века. М., 1978; Платунов Н. И. Указ, соч.; Брук С. И., Кабузан В. М. Миграции населения в России в XIII — начале XX вв. (Численность, структура, география)//История СССР. 1984. № 4; их же. Динамика и этнический состав...; Якименко Н. А. Аграрные миграции в России (1861 —1917 гг.)//Вопросы истории. 1983. № 3.

¹⁹ Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1824—1916 гг. //История СССР. 1957. № 1; его же. Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизовавшихся районов России//Вопросы географии: Сб. № 83. М., 1970. С. 34—44.

²⁰ Тихонов Б. В. Указ. соч.

²¹ Брук С. И., Кабузан В. М. Динамика и этнический состав... С. 8. 5.

²² Верещагин П. Д. О географическом и социальном факторах при выборе крестьянами-переселенцами районов вселения за Уралом в конце XIX в, в дореволюционной и советской историографии//Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1980. С. 86—87. Этот же тезис автор развивает и в своей докторской диссертации. См.: Верещагин П. Д. Аграрные миграции крестьянства Белоруссии на окраины России в конце XIX — нач. XX в.: Автореф. докт. дис. М., 1981.

²³ Якименко Н. А. Переселение крестьян Украины... С. 25.

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 1—56. М., 1928—1932.

²⁵ Там же. Т. 35. М., 1930. С. V—VIII.

²⁶ Статистика населения с основами демографии. М., 1990. С. 239—241.

²⁷ Всесоюзная перепись... Т. 51. М., Л., 1931. С. 222—223.

²⁸ Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX вв. //История СССР. 1979. № 1.

²⁹ Бородкин Л. И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986; его же. Алгоритмы построения агрегированной структуры//Модели агрегирования социально-экономической информации. Новосибирск, 1978.

³⁰ Турчанинов Н. Указ. соч. С. 379.

³¹ Платунов Н. И. Указ. соч. С. 45.